

ко в физических работников на земле, в сельском хозяйстве и послушных воинов на поле брани! Свежо предание, а верится с трудом! Ведь это не анекдот, а недавний реальный, живой факт, когда „начальство“ самым серьезным образом говорило: „просвещение и казак — явления непримиримые, несовместимые“, например, на одном ходатайстве станичного общества об открытии на свои средства в станице гимназии были положены три резолюции: 1) Обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева: „согласен, гимназия вредна... 2) Министра народного просвещения Сипягина: „казаки военное сословие, им гимназия не нужна, удивляюсь ходатайству“... (какая ирония — министр народного просвещения, удивляющийся желанию народа учиться!) и, наконец, третья резолюция самого императора Николая II: „не понимаю, зачем казакам гимназия. Не лучше ли вместо ненужной гимназии манеж“...

Приведу вам еще два примера, так умело рассказанные Лениным в Лионе на собрании.

Проезжал как-то по одной окружной станице наказный атаман кн. Святополк-Мирский. На одном здании увидел вывеску „N-кое реальное училище“. „Казачья душа“ атамана возмутилась подобной ересью: как так! казаки — и реальное училище! Это — преступление! И тут же, не сходя с коляски, приказал снять эту вывеску, а на место ее водворил вывеску „N-ская военно-ремесленная школа“. Подобно тому, как у современных русских большевиков имеется определенный лозунг „религия — опиум народа“, так и у русского правительства имелся определенный лозунг: „просвещение — опиум Казачества“.

Вся политика правительства была направлена на задержание культурного развития казаков и на воспитание их „воинского духа“. В этом отношении дело доходило до злого анекдота.

Кривяцкую станицу при весеннем разливе заливала вода, приносящая огромный вред всей станице. Станичное общество возбудило ходатайство о разрешении на сооружение дамб. Но наказный атаман в ходатайстве отказал. Почему? Потому что сооружение дамб может убить „воинский казачий дух“. Поэтому, пусть вода заливал станицу, пусть станичники разоряются, но зато кривяцкие бабы, которые в Новочеркасский базар носили продавать продукты своего хозяйства, при разливе с махоткой молока и корзинкой яиц на спине будут переплывать по воде, чем будут поддерживать и развивать „воинский казачий дух“.

Это, господа, не анекдот, а были!

Вот в результате этой 200 лет продолжавшейся „затемнительной“ казачьей политики Москвы и Петербурга, казаки сделались только физическими, мускульными работниками, безжалостно эксплуатируемыми городами с чужеродным населением. В этих городах, т. е. в руках чуждых казакам элементов, была сосредоточена вся экономическая, торговая, промышленная, культурная и политическая жизнь Края. Через их руки вывозились все продукты тяжелого физического труда станичного казачьего населения, и через эти же руки оно получало в очень ограниченном размере необходимые предметы потребления.

„Материально бедная, культурно темная, полити-

чески бессильная, юридически поставленная на последнее место, деревня есть подножием города“ — пишет украинский социолог М. Шаповал.

Точно также станичное казачье население служило „подножием городов“ с чужеродным населением, плодами своего тяжелого труда обогащало не-казачье городское население, доставляло ему средства для культурного развития, просвещения и, обогащая (невольно!) его, давало ему возможность еще больше усовершенствовать орудие закабаления самих себя, раскачиваясь казаков.

Само собою разумеется, широкая казачья народная масса, лишенная разумного руководства своей интеллигенции, культурно-политически отсталая, была бессильна организованно бороться, сопротивляться анти-казачьей политике Москвы, щедро награждавшей казаков ролью охранителей России от самого же русского народа (1905 г.). Скованные этой политикой Москвы, казаки вынуждены были почти все свои духовные, физические и материальные силы отдавать военному делу, военной службе России, в прямую ущерб своему хозяйственному, культурному делу, чем широко и умело пользовались пришедшие элементы, захватывавшие и прибиравшие к своим рукам все важнейшие краевые общественно-культурные и экономически-промышленные посты.

И, конечно, делом каждого сознательного казака ныне должно быть неустанное стремление к тому, чтобы в будущем исправить эту историческую „ошибку“, чтобы впредь казаки сами взяли в свои руки управление жизнью в Крае во всех областях: общественно-культурной, экономической и политической; чтобы осуществление социальных функций перешло к самим казакам (в согласии и солидарности с коренными крестьянами); чтобы инженеры, техники, учителя, судьи, доктора, работники в торговле и промышленности — купцы, финансисты, банкиры — были казаки; чтобы профессора, учителя и студенты в высших, средних и низших школах были казаки. Одним словом, надо стремиться сделать так, чтобы все плоды умственной работы казака и физического казачьего труда шли на благо и пользу самих казаков, только казаков.

Я забежал далеко вперед и в сущности уже сказал то, что хотел ответить на поставленный вопрос — „Чем стало Казачество? — не коснувшись даже главных моментов двухсотлетнего — с 1709 года — исторического процесса“ казачьей жизни. Но по существу этот период для нашей цели, для ответа на поставленный нами вопрос, особого значения не имеет, представляя из себя интересный материал для ученых специалистов для изучения истории взаимоотношения уже Российской Империи с покоренными ею народами вообще.

Можно только сказать, что на всем протяжении этого периода живая казачья мысль насильственно и методически убивалась в самом своем зародыше и естественное культурное развитие казаков загонялось в искусственные рамки московских приказов, по выражению последнего русского императора, в „манеж“.

Это был период медленной, но верной подмены казачьей воли — казачьей неволей, свободного, вольного казака — бессловесным пушечным мясом.

(Продолжение следует).

Санжа Базырьевич Аршинов.

К братьям казакам!

Наш девиз — Казачья Воля, Казакция — наша цель!

Этим кратким и ясным лозунгом исчерпывающе характеризуется казачье политическое движение, имя которому В. К., печатный орган которого — журнал „В. К.“ — недавно праздновал четвертую годовщину. Это празднование явилось живой демонстрацией вольноказачьей силы, документальным свидетельством об его ежегодном росте и укреплении вольноказачьей семьи.

В течение истекших 4-х лет В. К. блестяще справилось с первой частью своей ответственной и труднейшей задачи — пропагандой идеи казачьей государственной независимости, пробуждением казачьего национального самосознания, пребывавшего долгое историческое время в сонном состоянии под убаюкивающей русской и казачь-старшинской „российско-патриотической песней“.

Нелегкая это была задача, — при наличии инертности казачьей массы, с одной стороны, а с другой —

того бешеного отпора официальной казачьей головке, которая, пользуясь своим официальным положением, войсковыми средствами и своим прошлым авторитетом, с самого начала повела отчаянную борьбу с В. К., не сгасая никакими средствами, вплоть до клеветы и провокации. Но вся их борьба уже теперь потерпела полное фиаско, а главный печатный орган, ведший борьбу с „В. К.“, уже „приказал долго жить“. А „В. К.“, преодолевая все эти препятствия, благополучно выполнило первую часть своей задачи, которая им была формулирована в следующих выражениях:

„Для действительного успеха и верного достижения конечных целей вольноказачьего движения, необходимо, как предпосылка всего, возрождение Казачества. Надо разбудить у Казачества его национальное чувство. Надо, чтобы его политическое самосознание освободилось от всего наносного, чужого, привитого ему веками русского господства. Надо, чтобы перед каждым казачьим взором во всей ее чистоте и повелительности предстала Казачья Идея, — чтобы она вошла в плоть и кровь, в мозг и сознание, в сердце и чувство казачье, — чтобы казачий вопрос стал для каждого казака своим вопросом, ясным и понятным, само собой разумеющимся, в котором нет уступок и нет компромиссов ни со своею совестью, ни с внешним чужим миром. Надо, чтобы казачьим сердцем овладела воля к свободе, к осуществлению своих идеалов. Надо, чтобы казак расправил снова свои орлиные крылья, чтобы он снова развернул свои духовные силы во всю их мощь и стал опять творцом своего настоящего и будущего, как он был когда-то творцом своей доли в прошлом. И когда Казачество сольется в таком могучем, едином порыве к утверждению своего национального я, тогда начнется подлинный расцвет казачьей эпохи ренессанса, тогда Казачеству будет и по силам всякое решение своего вопроса...“ („В. К.“, номер 72 за 1931 г.)

Эта задача, если не на все сто процентов то по крайней мере процентов на 70 В. Казачеством выполнена: у значительного большинства казачьей народной массы пробуждено национальное чувство, его политическое самосознание освобождено от всего наносного, чуждого, привитого ему веками русского господства; сердцем казака уже овладела воля к свободе, к утверждению своего национального я.

Тому бесспорное доказательство — сотни персональных и коллективных восторженных приветствий в день четвертой годовщины „В. К.“.

Теперь, на пороге пятого года своей жизни, В. К. обещает приступить к выполнению второй части своей задачи — к организации вольноказачьих сил. С другой стороны, в среде вольноказачьей народной массы одновременно созрела та же самая мысль и Южнинская имени Пугачева станица сделала в этом направлении первые реальные шаги, собрав первый денежный взнос (по своему почину!) в „Фонд 1-го вольноказачьего С'езда“, на котором вольноказачье движение должно принять свои законченные организационные формы, и вольноказачьи ручейки, ныне тихо журчащие на всех концах земного шара, должны слиться в единый бурный казачий поток, который, разрушая все преграды на своем пути, победно, стихийно устремится к тому „море“, имя которому Свободная Независимая Казакия!

Мы, рядовые вольные казаки, глубоко верим, что В. К. и с этой второй частью задачи справится так же блестяще, как оно справилось и с первой частью ее. Верной гарантией этому является та унисонность дум и мыслей центра В. К. и народной массы, так неожиданно обнаружившейся, например, в выборе момента к началу выполнения второй части задачи В. К.

В этом духовном единстве заключается залог конечного успеха вольноказачьего движения. Отсюда, перед взором тех, кои уразумели этот глубокий смысл в. к. движения, его непобедимую жизненную силу, раскрывается далекий и светлый горизонт, на котором ясно вырисовываются контуры того независимого единого казачьего государства — Казакии, под сенью которых видны наши братья-казаки, освобожденные от ны-

нешних нечеловеческих мук и страданий, — светлые, радостные, улыбающиеся лица наших сестер-казачек, зеленеющая наша ковыльная степь, золотом переливающиеся казачьи нивы; слышится торжественная и чудная казачья песня, трель соловья в казачьих левадах-садах, чудится свободный казачий майдан, на котором обеленные седины, обремененные житейским опытом и казачьей мудростью старики и лучшие мужи Казачества своим коллективным разумом свободно обсуждают — как лучше управлять рулем казачьего государственного корабля — Казакию.

И к этой заманчивой, благословенной цели ведет единственный путь. Это — путь Вольного Казачества!

И в свете этой радостной перспективы становятся совершенно непонятными поступки тех наших братьев-казаков, кои то входят в состав вольноказачьей организации, то без всякой видимой причины выходят из нее, то вдруг ни с того ни с сего „утрачивают веру“. Очевидно, таких казаков надо приписать к разряду „летунов“, к категории лиц, не имеющих твердых духовных устоев, к разряду политических слепцов, а может быть, это — свойственное некоторым казачьим кругам неверие в творческую, созидательную силу Казачества.

Один из русских писателей некто А. Амфитеатов, жестоко критикуя русскую эмиграцию, однажды не утерпел и воскликнул: „Господи, какая мы дрянь!“ Может быть это черта „кающегося русского интеллигента“, как следствие долгого русского воспитания, передавшаяся и некоторым нашим казакам, которые имеют склонность всячески преуменьшать значение казачьей силы: „где, мол, нам“!..

Сейчас мы переживаем грозное время, когда решается судьба Каз-ва — быть или не быть ему! Если в такое грозное время мы будем находиться во власти „кающегося русского интеллигента“, то мы совершим самое большое преступление в нашей жизни! Мы должны от мозга до костей зарядиться верой, смелостью, решительностью и напором!

Пора казакам отрешиться от пагубной и преступной склонности самоунижения. Пора основательно зарядиться непреклонной верой в свою казачью силу, мощь! Для этого у нас имеются достаточные данные.

Казачья эмиграция, прибывшая на берега Босфора в виде голодной, оборванной, морально растерянной толпы, за это время преобразилась, выросла, почувствовала себя особым народом, к сожалению, пока без территории и верховной власти, но который (народ) получил уже название Вольного Казачества, с которым все больше и больше начинают считаться и которое стало носителем и организатором казачьих национальных сил и казачьей чести.

Этот поразительный факт должен служить постоянным живым укором и угрызением совести для тех казачьих „неверов“, которые и до сего времени свой духовный взор направляют в сторону „Великой России“, отдают ей свою „любовь“, отставляя на второй план Казачество.

Мы, рядовые вольные казаки, в этом факте преобразования распыленной вначале казачьей массы в идеологически единую, политически организованную вольноказачью семью, имеющую высокую жизненную цель, священную идею казачьей независимости внутренне озаренную, знающую куда стремиться, готовую на жертву, — черпаем силу и бодрость для преодоления предстоящих на нашем пути препятствий, за которыми нас ждет свободная человеческая жизнь!

С этой верой мы бодро переступаем порог пятого года жизни В. К. и глубоко верим, что в этом году осуществится вторая часть задачи — придание твердой организационной формы всему Вольному Казачеству!

Верим и надеемся, что в осуществлении этой части задачи все вольные казаки и казачки с еще большим рвением (и с советом и материально) придут на помощь и не замедлят принести на алтарь В. К. свою жертву-лепту — в „Фонд созыва 1-го Вольноказачьего С'езда“ в эмиграции.

„Казачье древнее обыкновение“, неписанный закон страны Казакии, требует этого от каждого вольного казака, ибо

В моей стране закон и дух завета в нем:

Кто любит степь, отчину и свободу,

Тот должен в дар казачьему народу

И головы сложить в степи под ковылем.

Да здравствует грядущий 1-ый Съезд Вольного Казачества!

Спешите, братья-казаки и сестры-казачки, с своей лептой на казачий майдан — Вольное Казачество! „Судьба Казачества в Его собственных руках“!

Судьба 1-го Съезда Вольного Казачества, следовательно приближение нас к нашей заветной цели, к освобождению нашей Родины, зависит, от вас, братья-

казаки и сестры-казачки, от вашей готовности к материальным жертвам во имя высокой и святой для нас цели!

Во имя счастья Казачества в недалеком прошлом мы легко жертвовали самым дорогим, что у нас есть, жизнью своей. Пусть с такой же легкостью и готовностью протянутся отовсюду казачьи руки с франками, коронами, злотами, динарами и левами к центру Вольного Казачества, в „золотую Прагу“!

Да будет так!

11 января 1932 г. Южин. Франция.

Международные очерки.

Перспективы японской политики на Дальнем Востоке.

Из статьи г. С. Балыкова в номере 93 „ВК“ читателям известны первые перипетии Японо-Китайского конфликта в Манчжурии, начавшегося минувшей осенью, продолжающегося и ныне. Попытки Китайского правительства использовать аппарат Лиги Наций для того, чтобы остановить продвижение японских войск на Манчжурской территории, окончились неудачей. Верховный Совет Лиги, дважды и подолгу занимавшийся вопросом о Китайско-Японской распри, принял такие „дипломатические“ решения и вынес такие нейтральные резолюции, которые китайцам ничего не дают, а японцам ни в чем не препятствуют. Почти такие же результаты дали и ноты Соединенных Штатов, адресованные Японии. В первой из них Америка напоминает Японии об известном пакте Келлога, подписанном почти два года тому назад всеми государствами мира и говорившем о том, что отныне, мол, военная сила и война, как дипломатические средства, исключаются из международного оборота. Во второй ноте Америка уже об этом молчит, а вспоминает лишь о том, что в 1922 году девять государств, в том числе и японцы, подписали взаимное обязательство уважать неприкосновенность китайской территории и соблюдать по отношению к Китаю политику „открытых дверей“ — в торговом и финансовом смыслах этих слов. Америку в ее выступлении не поддержали великие державы, имена которых значатся на указанных выше пакте и договоре, и тем дело пока что и окончилось.

В настоящее время Япония, продолжая свои действия по „умиротворению Манчжурии“, овладела уже всею южною ее частью, вплоть до так называемой Великой Стены, т. е. до границ собственного Китая, и значительной частью северной ее территории, официально значащейся в сфере русского, теперь советского влияния. Исполнив оккупационное задание, японские власти, как это видно из дальневосточных сообщений, приступили уже ко второй части своего плана, а именно, к организации занятию их войсками территории.

Для этого из представителей местного населения в крупнейших центрах Манчжурии созданы были новые или признаны уже существующие областные правительства и им дана возможность сговориться с целью организовать центральное правительство, — на этот раз уже для независимого от Китая государства, в состав которого должны войти территория Манчжурии и внутренняя Монголия.

Сначала, как будто, предполагалось посадить в Манчжурии на трон последнего отпрыска исторической манчжурской династии, царствовавшего ребенком в Китае и ребенком же низложенного 20 лет тому назад. Теперь, повидимому, склоняются больше к системе республиканской и до некоторой степени федеративной. Указание на последнее дает принятый уже населением флаг нового государства. Он — трех цветов: красный, желтый и голубой, — цвета монголов, манчжур и корейцев, исторических представителей данного края.

Новое государство, конечно, подпишет соответствующие договоры с Японией, сохраняя, вероятно, и принцип открытых дверей; со временем оно будет вве-

дено в Лигу Наций, и этим будет надолго, если не навсегда обеспечено за Японией фактическое владение Манчжурией, которая по характеристике так называемого завещания Тонака*) „богата лесом, минералами и продуктами сельского хозяйства, в степени непревзойденной“.

Дипломатические ноты Америки не отнимут у Японии Манчжурии, а до вооруженного столкновения между этими державами еще очень далеко, ибо безбрежный Тихий океан пока что является для этого непосредственным препятствием; кроме того, жизненно Америка в Манчжурии не заинтересована. Опасность для Японии может прийти с севера, и это предвидит завещание Тонака. В нем говорится: „Чтобы выиграть богатства Манчжурии, мы должны снова на полях Монголии извлечь из ножен свои мечи против России“.

Дальневосточные сообщения посвящают очень много внимания как раз этой — третьей фазе японской политики на материке Азии. Говорят не столько о войне, сколько о новом „умиротворении“, к которому будто бы готовятся японцы, — на этот раз на север от Манчжурии. В результате этого „умиротворения“, большевики, подобно китайцам, ушедшим за Великую Стену, коротким ударом должны быть выброшены за Байкал, а Восточная Сибирь превратится в независимое государство, в состав которого, на началах конфедеративных, могли бы войти, — считая с востока на север и запад, — украинский Зеленый Клинь, Амурское, Уссурийское и Забайкальское казачьи Войска и другие области, населенные сибиряками русского и не русского корня. Япония на закрепление этого государства за собою, как кажется, не претендует. Оно должно, по их мысли, оставаться в самом деле независимым и его будущая роль, на подобие Афганистана в Средней Азии, должна сводиться к тому, чтобы служить буфером между Россией и Японией, прикрывая собою Манчжурию от российской экспансии с севера.

Контуры этого нового государства еще не обозначились; никакого политического акта в этом направлении, кроме может быть некоторых предварительных разговоров, еще не имеется, но сама идея его так соответствует реальным условиям в Советской Сибири, что русская эмигрантская пресса чрезвычайно им заинтересовалась, и в ее недрах поэтому поводу уже происходит острая и резкая полемика.

Монархически настроенная часть эмиграции с „Возрождением“ во главе, говорит о том, что должно приветствовать всякое отторжение территориальных частей СССР, ибо этим уменьшается сила и престиж большевиков как внутри, так и во-вне, а, следовательно, приближается и возможность их падения. В будущем же,

*) Завещанием Тонака называется меморандум японского министра этого имени, поданный им Микадо в 1927 году. Тонака устанавливает в нем принцип японской политики на Дальнем Востоке Азии по отношению к Китаю, России и Соединенным Штатам. Документ этот недавно опубликован был в английской и французской прессе: идентичность его оспаривается японцами, но не очень убедительно, так как современная политика Японии совершенно совпадает с указаниями, сделанными на этот счет Тонака в его меморандуме.